

И.С. Базылева (Минск, БГУ)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СМЕХА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В предлагаемой статье автор следует концепции, согласно которой следует различать языковую картину мира (языковое сознание) и наивную картину мира (обыденное сознание). Данный подход представлен в работах С.М. Толстой [5, с. 125], Ю.Д. Апресяна [1, с. 37], Н.Б. Мечковской [4, с. 227] и некоторых более поздних работах других авторов. В указанных работах языковая картина мира понимается как знания о мире, которые содержатся в семантике языковых единиц — в первую очередь, лексем и фразеологизмов, а также в словообразовательной и грамматической системах. Содержание концепта обыденного сознания представлено в первую очередь в пословицах и поговорках, в популярных клише, максимах здравого смысла, а также в различных ходячих фразах и расхожих сентенциях [4, с. 228].

1. Как смех представлен в русской и английской языковых картинах мира? В русском языковом сознании концепт ‘смех’ представлен прежде всего словами *смех*, *смеяться*, *смешной*, *смешно*, в английском — существительными *laugh*, *laughter*, глаголом *laugh*, прилагательным *laughing*, наречием *laughingly*. Центральное место в содержании языкового концепта ‘смех’ занимают все узуальные значения данных лексем. анализ словарных дефиниций этих лексем позволяет сделать некоторые выводы.

1.1. Смех — противоречивый и амбивалентный феномен. так, если первые словарные значения перечисленных русских и английских лексем характеризуют смех вполне положительно (*смех* в 1-ом словарном значении определяется как ‘характерные прерывистые горловые звуки, вызываемые короткими выдыхательными движениями при проявлении веселья, радости, удовольствия’ (МАС IV, 153)), то во вторых и третьих значениях смех представлен уже в другой ипостаси. *смешной* значит ‘2) вызывающий насмешку ироническое отношение своей нелепостью, несообразностью и т.п.; 3) такой, который нельзя воспринимать всерьез’ (МАС IV, 154). ср. также второе и третье значения глагола *смеяться*: ‘2) насмехаться, издеваться над кем-, чем-л.; 3) говорить несерьезно, шутить’ (МАС IV, 154).

1.2. Идея того, что смех доставляет людям эстетическое или интеллектуальное удовольствие, прослеживается также в семантике других дериватов, синонимов, а также вообще родственных слов. Например, рус. *авантюра* ‘легкомысленный поступок (или ряд поступков), совершаемый ради получения удовольствия, развлечения’ (МАС I, 20), *баловать* ‘2) || чем (разг) заниматься чем-л. ради удовольствия, обращать в забаву что-л. серьезное’ (МАС I, 58); англ. *amusing* ‘забавный, смешной; занимательный, занятный; доставляющий удовольствие’ (Oxf., 48), *chortle* ‘громко и с удовольствием смеяться, потому что вам весело’ (Oxf., 260).

1.3. При дальнейшем обращении к семантике синонимов, а также слов того же парадигматического ряда, прослеживается информация о том, что смех во многих случаях предполагает некоторую меру зла. Эта черта смешного отражена в семантике всех русских и английских глаголов с общими значениями ‘насмехаться’ и ‘подшучивать’, например, рус. *глумиться* ‘издеваться, зло насмехаться’ (МАС I, 317), *подтрунить* ‘подшутить, слегка посмеяться над кем-/чем-л.’ (МАС III, 225); англ. *mock* ‘зло смеяться над кем-л., копируя манеру его поведения и речи’ (Oxf., 983), *ridicule* ‘зло смеяться над кем-л., выставляя его в глупом виде’ (Oxf., 1307).

1.4. Намек на то, что в объекте смеха смеющийся, как правило, обнаруживает некоторое противоречие, несообразность есть во 2-м словарном значении прилагательного *смешной*. эта же идея получает подтверждение при обращении к семантике слов, называющих различные комические жанры и приемы. Например, рус. *бурлеск* ‘вид комической пародийной поэзии и драматургии, характерной особенностью которого является нарочитое несоответствие между темой произведения и ее языковым воплощением’ (МАС I, 126), англ. *caricature* ‘2) описание человека или вещи, представляющее их нелепом, смехотворном виде, преувеличивающее некоторые их черты, качества, характеристики’ (Oxf., 225).

1.5. Смех, по данным языка, позволяет смеющемуся субъекту почувствовать некоторое превосходство над осмеиваемым объектом. даже в слове *усмешка* носитель русского языка сразу же почувствует некоторый оттенок превосходства: «доля эмоции в соответствующем чувстве относительно мала, а велика доля интеллектуальной оценки, причем субъект обычно испытывает чувство интеллектуального превосходства». Идея пре-

восходства присутствует в семантике английской лексемы *smirk* ‘глупая, неприятная, самодовольная улыбка, показывающая, что вам известно то, о чем не знают другие’ (Oxf., 1444).

1.6. По данным языка порождение и восприятие смешного требует некоторых интеллектуальных усилий. эта черта, как необходимое условие смешного, находит свое отражение в семантике таких лексем как рус. *острословие* ‘умение острословить; остроумие’ (МАС II, 658), англ. *wit* ‘способность рассказывать или сочинять то, что одновременно и умно, и смешно’ (Oxf., 1752). идея того, что необходимо обладать умением для того, чтобы видеть и понимать смешное подчеркивается также в семантике некоторых английских фразем, например, *get the joke* ‘понять шутку’ (Oxf., 834).

1.7. Обращение к фразеологии позволяет выделить еще одну черту смеха — его не всегда поддающийся контролю характер. во фразеологии есть указания на то, что смех может быть сильным, громким, безудержным, при этом субъект смеха не может контролировать свое физическое и эмоциональное состояние: рус. *надорвать живот (животы, животики) со смеху (от хохота)* (МАС II, 346), англ. *laugh your head off* (досл. ‘потерять голову от смеха’) (Oxf., 868), *piss yourself laughing* (досл. ‘описаться от смеха’) (Oxf., 1445). В некоторых ситуациях смех можно и нужно сдерживать или скрывать: рус. *посмеиваться в бороду* (Фед., 36), англ. *laugh in (up) one’s sleeve* (досл. ‘смеяться в рукав’) (Oxf., 868).

2. Смех по данным русского и английского обыденного сознания.

2.1. Смех в русской паремике связан с представлениями о его греховности. по данным Т.Г. Бочиной и Р.Р. Заляловой в 10 сборниках пословиц и поговорок XVII–XX вв. насчитывается более 20 паремий, содержащих рифму *смех — грех*, и еще более 10 — с ее структурно-смысловыми вариантами: *хихи — грешки, смешно — грешно, грех — посмех, грехи — смехи, грехи — смешки, грешно — потешно* [2, с. 11]. Например, в чем живет смех, в том и грех [2, с. 337]. как отмечают вышеупомянутые исследователи «народное сознание не просто объединяет смех и грех, но и представляет их взаимоотношения как порочный замкнутый круг, в котором смех приводит к греху, а грех, в свою очередь, вызывает смех и так далее» [2, с. 12]. Любопытно, что в английской паремике подобного противопоставления смеха греху нет, т.е. данная ассоциация является типично русской.

2.2. К числу типично русских ассоциаций также относятся представления о связи смеха и стыда (*чужой дурак смех, а свой стыд и грех*), а также «народное мнение о том, что смех несовместим с делом, умом и правдой» [2, с. 18]. в подтверждение изложенного мнения в сборнике «Пословицы русского народа» в.дала мы находим следующие пословицы: *делу — время, потехе — час, смехом сыт не будешь, смех-волынка: надул, поиграл, да и кинул, из дурака и смех плачем прет, дурень и дом сожжет, так рад огню* (Даль II, 336-337) и прочие. В заключении авторы делают

вывод о том, что «одобренного смеха в русском паремическом фонде — считанные единицы» [2, с. 12].

2.3. В сборниках пословиц более позднего периода отношение к смеху меняется, становится одобрительным. Например, и в русском, и в английском обыденном сознании содержится информация о том, что смех чрезвычайно полезен: *смех вырабатывает в организме витамин С, одна улыбка заменяет полкилограмма тертой моркови, у смешливого зубы белые* (Зим., 415); *laugh and grow fat* (досл. ‘смейся и толстей’), *laughter makes good blood* (досл. ‘смех делает кровь хорошей’), *laughter is the best medicine* (досл. ‘смех — лучшее лекарство’) (peng. dict., 116).

2.4. Люди обычно смеются над чужими недостатками или неудачами, а не над собственными. такую информацию мы находим в следующих пословицах: *чужая беда — смех, своя беда — грех, чужая беда — ха-ха-ха, своя беда — ох-ох-ох, чужой сын дурак — смех, свой сын дурак — смерть* (зим., 416); *everything is funny as long as it is happening to somebody else* (досл. ‘все смешно, пока это происходит с кем-либо другим’), *comedy is tragedy that happens to other people* (досл. ‘комедия — это трагедия, которая происходит с другими людьми’) (Oxf. psq, 222).

2.5. Информация о том, что иногда все же полезно замечать собственные недостатки и смеяться над ними, отражена в следующих пословицах: *нет лучше шутки, как над собою* (Даль II, 335), *he is not laughed at, that laughs at himself first* (досл. ‘над тем не смеются, кто сам над собой смеется’) (quotations, 376). В обыденном сознании также есть предостережение о том, что шутнику следует быть готовым самому стать объектом шуток: *умей шутить, умей и отшучиваться* (Даль II, 337).

2.6. По данным русского обыденного сознания человек должен знать меру в шутках, чувствовать ту черту, за которую нельзя переходить, ведь шуткой очень легко обидеть человека. *умей пошутить, умей и перестать, шутить шути, а людей не муди, шути, поколе краска в лицо не вступила (пока не сердиться), больше (дороже) рубля не шути, тебе смешно, а мне до сердца дошло, шути, да оглядывайся* (Даль II, 336–337). Тема двойственной природы смеха, отраженная в языковой семантике, нашла продолжение также в обыденном сознании: *всякая шутка надвое растворена: кому потешно, ин мышке за беду* (там же). Не следует смеяться, подшучивать над старым, больным, над чужой бедой, смертью, над опасными вещами: *не смейся чужой беде — своя на гряде, не смейся слепому (хромо-му), чтоб самому не быть такому, над старым смеяться — грех* (зим., 415), *тем не игруют, от чего умирают* (Даль II, 337), *не смейся, братец, чужой сестрице, своя в девицах, не смейся, горох, не лучше бобов* (даль ii, 338).

2.7. Пустой, беспричинный смех порицается в обыденном сознании: *смешно дураку, что уши на боку, смеется, как дурак на похоронах, смех без причины — признак дурачины* (Зим., 416). По данным английского обыденного сознания сходная идея может быть сформулирована несколько иначе: ценятся и одобряются уместные шутки, высказанные вовремя: *he*

laughs best who laughs last (досл. ‘хорошо смеется тот, кто смеется последним’), *he who laughs last, laughs longest* (досл. ‘тот, кто смеется последним, смеется дольше всего’) (Oxf. psq, 386).

2.8. Смеяться могут старшие по возрасту, победители и богатые. так, по данным русского обыденного сознания молодым людям неприлично смеяться над старшими: *молод смеяться: еще на зубах волосы не выросли* (Даль II, 336). английская пословица гласит: *let them laugh that win* (досл. ‘пусть смеются те, кто побеждает’) (quotations, 395), а также *a rich man's joke is always funny* (досл. ‘шутка богатого всегда смешна’) (Райд., 164).

Из сказанного можно сделать следующие выводы: 1) смех по-разному концептуализируется в языковой картине мира и в обыденном сознании. Это объясняется тем, что обыденное сознание, хотя и выражается вербально, все же выходит за пределы языка. как отмечает Н.Б. Мечковская, «коллективное обыденное сознание вырастает из языкового и содержит черты, которых в их полном объеме нет в языковом сознании» [4, с. 464]. Так, например, идея амбивалентности смеха, присутствующая в языковой семантике, получает дальнейшее развитие также в обыденном сознании. большинство же прочих черт смеха, нашедших отражение в языковом сознании, не имеют даже намека в обыденном сознании. 2) представления о смехе в русском языковом и обыденном сознании в своем подавляющем большинстве совпадают с представлениями о данном феномене в английском языковом и обыденном сознании. это объясняется тем, что смех является одной из универсалий человеческой природы и важнейшей частью национальной и общечеловеческой культуры. вместе с тем, можно говорить о некоторой национальной специфичности смеха: идеи о связи смеха и греха, смеха и стыда представлены лишь в русском обыденном сознании и являются типично русскими ассоциациями.

СОКРАЩЕНИЯ

Даль — Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник в 2-х т. — М.: Худ. лит., 1996; **Зим.** — Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ ПРЕСС, КНИГА, 2008. — 736с.; **МАС** — Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П.Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. Т.1-4. — М.: Русский язык, 1981–1984; **Райд.** — Райдаут Р., Уиттинг К. Толковый словарь английских пословиц. Спб: Лань, 1997. — 256с.; **Фед.** — Фразеологический словарь русского литературного языка: Более 12 000 фразеол. оборотов / Сост. А.И.Федоров. — Стер. изд. — М.: АСТ: Астрель, 2001. — 720 с; **Oxf.** — Oxford Advanced Learner's Dictionary / A S Hornby. 7th edition. Oxford: Oxford University Press, 2005. — 1780p.; **Oxf. PSQ** — The Oxford Dictionary of phrase, saying and quotation / Ed. by S. Ratcliff. — Oxford: Oxford University Press, 2002. — 696p.; **Peng. Dict.** — The Penguin dictionary of proverbs / R. Fergusson. — London: Bloomsbury Book, 1991. — 331p.; **Quotations** — Dictionary of quotations and proverbs / Comp. by D.C. Browning. — London: Chancellor Press, 1989. — 745p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю.Д. О московской семантической школе // Вопр. языкознания. — 2005. — № 1. — С. 3–30.
2. Бочина, Т.Г., Залялова, Р.Р. Серьезное в смешном. — Казань, 2008.

3. Мечковская, Н.Б. Две картины мира: язык и обыденное сознание (информационная фактура, делимитация границ и стереотипов) // *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich* — 5. Opis, konfrontacja, przekład. — Wrocław, 2005. — S. 227–238.

4. Мечковская, Н.Б. Два взгляда на правду и ложь, или о различиях между языковой картиной мира и обыденным сознанием // *Логический анализ языка. между ложью и фантазией.* / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. — М., 2008. — С. 456–470.

5. Толстая, С.М. Стереотип в этнолингвистике // *Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии.* — М., 1995. — С. 124–127.